

10 апреля - 29 декабря 2018г.

Рауль Мир-Хайдаров

Последняя любовь поэта

Неизвестные факты из жизни Г.Тукая 1911-1912гг.

Единственной возлюбленной «татарского Пушкина» Габдуллы Тукая принято считать Зайтуну Мавлюдову, с которой поэт виделся всего несколько раз и посвятил ей несколько стихотворений. Оказалось, что скромный юноша, сторонившийся женщин, был влюблен дважды...

*... А жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок...*

*«Столько поисков, столько информации, столько воспоминаний,
связанных с судьбой народа! И во главе всей этой истории – сам Тукай... Я
была потрясена!»
Фаузия Байрамова,
писатель, кандидат исторических наук,
общественный деятель*

Тукаевские дни, тукаевское столетие... Прекрасная традиция зародилась в новом Татарстане – собираться в день рождения великого поэта у его памятника. Там ежегодно объявляют имена лауреатов литературной премии имени Тукая, и этот день можно назвать Днем татарской литературы, Днем единения нашего народа в честь памяти нашего гения – народный праздник, иначе не скажешь!

Тукай был коммуникабельным человеком. Он часто становился центром событий общественной жизни. Он – яркий представитель татарской культуры для всего мира и других тюркоязычных народов России, он олицетворял ее искания в конце 19 века – пору расцвета татарского театра, литературы, журналистики. Г.Тукай известен не только как поэт, но, прежде всего – как пламенный публицист, трибун и ярчайший политик своего времени, защитник своего народа. Он написал важнейшие статьи о месте татар в царской России, писал о родном языке, на котором стоит вся культура татар и образование. Сегодня в XXI веке его труды актуальны как никогда. Его литературное наследие, которое он оставил для нас за 27 лет своей жизни, является вторым Кораном, который позволяет нам, татарам, остаться в культурном пространстве народов мира.

Уже целое столетие историки и литературоведы процеживают его жизнь, его творчество через тончайшее сито, надеясь отыскать хотя бы одну его незнакомую строку или факты о неизвестных стародавних встречах поэта с друзьями, родственниками, коллегами, читателями. С каждым годом у тукаеведов открытий все меньше и меньше, жизнь поэта изучена, если не по часам, то по дням точно.

Казалось бы, что мы уже все знаем о своем гении, но случаются в жизни и чудеса. Случаются, потому что Всевышний видит, что значит Тукай для татар и сегодня. Хочу поделиться с вами, дорогие соплеменники, своим радостным открытием. Благодаря моим публикациям, в которых упоминается мой родной Мартук, я неожиданно оказался причастным к малознакомому или неведомому многим факту из жизни незабвенного Тукая.

У меня с детства существует с Тукаем какая-то мистическая связь, наверное, оттого и пришли ко мне эти сведения. Хотя, казалось бы – где Казань, а где мой Мартук?

Я всегда аттестовал себя оренбургским татаринном. Мои родители и их предки во втором и третьем поколении – горожане. Отсюда, от родителей, начинается и моя материальная связь с поэтом. Мартук находится в 200 километрах от Оренбурга, города, где до революции преимущественно проживали мусульмане – татары, казахи, узбеки. Во время революции и Гражданской войны, особо жестоко прокатившейся по Оренбуржью и больно коснувшейся даже нашего Мартука (в поселке есть мемориалы и памятники жертвам Гражданской войны), многие татары из Оренбурга бежали от репрессий и конфискации в Казахстан и далее в Среднюю Азию. Вся история татарской миграции с 16 века свидетельствует о том, что они всегда стремились туда, где был единый по вере народ, оттого и спаслись.

В нашей семье из достойного упоминания имущества, которое удалось сохранить после всех экспроприаций, остался лишь только большой, заводского производства, сундук красного сандалового дерева, весь окованный блестящими медными пластинами с вкрапленными в них разноцветными полудрагоценными камнями. Думаю, что когда-то его мои предки привезли из Персии или Аравии. Сундук закрывался на медный, очень красивый ключ. Когда его открывали, пахло сандалом и звучала какая-то короткая восточная мелодия. Волшебный сундук! Внутри в торцах у него находились глубокие узкие отделения, где хранились документы, какие-то украшения мамы, ордена отчима и фотографии-дагерротипы наших родственников по материнской и отцовской линии, фотографии близких и моего отчима, он тоже родом из Оренбурга. Все снимки – семейные, и лишь на одном из них был изображен молодой человек с выразительными глазами и тонкими чертами лица. Много позже я узнал, что это – Тукай.

В конце 80-х, когда я стал печататься в «Казан Утлары», снимок Тукая я передал Равилю Файзуллину и посоветовал ему собирать ретро-фотографии. Сегодня в архиве журнала собралась бесценная коллекция

фотографий – история нашего народа в лицах. Я рад, что имею отношение к этому собранию.

110-летие Тукая отмечали в Москве в Доме писателей, к тому времени уже было открыто Представительство Татарстана в столице. За день до мероприятия мне позвонил первый Полпред Татарстана в Москве Фарид Мубаракшевич Мухаметшин и спросил: «Как нам найти для сцены в ЦДЛ хороший портрет Тукая?» Я ответил: «В Москве живут сотни татарских художников, половина из них преклонного возраста и, наверняка, они чтят Тукая. Возможно, у них есть». Полпред горестно посетовал – обзвонили всех, нет ни у кого. И тогда я признался, что у меня, бесквартирного, живущего уже шесть лет в Переделкино в Доме творчества, на стене висит портрет Тукая. И я отдал его. По окончании торжеств высокие гости, прибывшие из Казани, попросили меня подарить Музею Тукая этот портрет – я и подарил. Портрет написал Шакир Закиров. Позже я заказал ему еще три портрета по фотографии, хранившейся в нашей семье. Эти портреты я подарил журналу «Казан Утлары» и СП Татарстана, там они находятся и сейчас.

Зимой 1978 года я работал в Доме творчества писателей в Малеевке, тогда же в феврале случились какие-то выборы. Избирательный участок находился в Рузе, и для писателей сразу после завтрака подали старенький потрёпанный автобус. Стояли сильные морозы, салон автобуса за ночь промёрз основательно, и писатели окоченели уже минут через пятнадцать. Оттого проголосовали быстро и кинулись искать буфет, чтобы согреться, но увы... На обратном пути мы четверо – Мустай Карим, Муса Гали, я и ещё один татарский писатель, который приехал накануне, но я его еще не знал – сидели сзади, на самом холодном месте, оттого, что дверцы автобуса прикрывались не плотно. Только мы вбежали в свой уютный тёплый холл Дома творчества, мысленно проклиная выборы и мороз, Муса Гали прошептал промерзшими губами – У тебя есть что-нибудь...? Я молча кивнул головой, и мы разбежались раздеваться по своим комнатам. Я сразу включил чайник, достал бутылку коньяка, бутылку водки и начал нарезать колбасу и хлеб, банка с грибами открылась легко. И тут в комнату вошли Муса Гали и Мустай Карим. Мустай Карим, оглядев наскоро накрытый стол, довольно улыбнулся и спросил – А ты Атилле пригласил? Поняв, что нет, он попросил – Сходи, пожалуйста, за ним, потом расскажем тебе о нем. Так за моим столом появился Атилла Расих, писатель, фронтовик, орденосец. Судя по их разговору за столом, я понял, что они знакомы давно.

Как только гость ушёл, Муса Гали спросил меня – А ты знаешь, кто у него мать? Видя мое недоумение, он сказал с почтением – Зайтуна Мавлюдова!! Фамилию эту я знал, как и каждый мало-мальски грамотный татарин – она была возлюбленной Г.Тукая, ей он посвятил несколько стихотворений. Атилла-абы – сын... Тукая? – спросил я взволнованно. Но в разговор вмешался Мустай Карим – к сожалению, нет, она вышла замуж за Кадыра Расулева, известного религиозного деятеля.

Сегодня, когда я пишу об открытии новых, неизвестных страниц из жизни Г.Тукая в 1911-1912 гг., я не мог не вспомнить о том, что сорок лет назад за моим столом в Малеевке сидел сын первой возлюбленной Тукая.

Это ещё одна тонкая нить, связавшая меня с Тукаем – встреча с сыном Зайтуны Мавлюдовой. Не могу не сказать несколько слов об этом достойном человеке. Родился он в 1916г. в Стамбуле, по возвращении родителей из Мекки, где они совершали хадж. Я уже упоминал, что его отец был известным в мусульманском мире теологом. Атилла Кадырович прошёл всю войну, вернулся в Казань в звании капитана, орденоносцем. После войны закончил институт и работал преподавателем. Написал несколько хороших книг, в 60-х годах получил высшую литературную премию Татарстана имени Тукая. Человек он был интеллигентнейший, но, к сожалению, закрытым, немногословным, держался особняком. Сейчас, будучи абсолютно уверенным, что на смертном одре Тукай всё-таки шептал не имя «Зайтуна», я думаю, что и Атилла-абы не раз задумывался над тем, что он мог бы быть сыном Г.Тукая, мог носить его фамилию, продолжить его род...

Вот такой невероятный клубок историй из моей жизни, связанных с Поэтом, который прожил всего 27 лет.

В начале нового века я случайно узнал, что в Казахстане, в г.Уральске татарский меценат Ришат Увалиевич Хайруллин выкупил бывшее здание медресе М.Тухватуллина, где учился в юности Тукай. Приобрел он и находившийся рядом особняк, где располагалась типография татарской газеты, с которой сотрудничал Тукай. Эти объекты он фактически перестроил заново. В просторных комнатах роскошного особняка с уютным внутренним двориком он создал музей Тукая и восстановил типографию. Отремонтировал Р.У.Хайруллин и мечеть, в которую ходил поэт. Я, конечно, не мог пройти мимо этого события, тут же поехал в Уральск. В музее много экспонатов, которых касались руки Тукая, есть вещи и интерьеры из дома Тухватуллиных. В Уральске всегда было много образованных татар, живших в достатке, оттого быт того времени воссоздан тщательно, исторически и стилистически выверенным. В нем чувствуется татарская жизнь, некогда проходившая в этих стенах. Я спросил экскурсовода – много ли тукаеведов из Казани побывало в музее? Он ответил – ни одного, кроме работников Казанского музея, с которыми мы постоянно в контакте. Я не тукаевед, но мне интересно все, что связано с нашим гением, наверное, оттого так много сведений о нем пришло именно ко мне.

И вновь совсем свежая, неожиданная связь с поэтом. В Москве 10 июня 2018 года ко мне обратился профессор Гамер Баутдинов с просьбой помочь отыскать в Лондоне перевод стихотворения Г.Тукая «Пар ат», сделанное англичанами в 1914г., и статью профессора Вильямса «Российские мусульмане» в американском журнале «The Russian Review». Затем я получил письмо 12 июня из Казани из Музея поэта с этой же просьбой. Мне удалось найти и эти документы столетней давности и передать их Музею Г.Тукая и Министерству культуры РТ.

Вот такие давние, уже не мистические связи, у меня с Тукаем.

Теперь два слова о Мартуке – оттуда дорога ведет к неизвестной странице из жизни Тукая.

В 90-х годах в «Казан Утлары» печатаясь моя повесть, где упоминался Мартук. Неожиданно я получил большое письмо от хорошо образованной 80-летней женщины из Казани. Она читала журнал и увидела там упоминание о Мартуке. Оказалось, что до войны у нас отбывал ссылку ее дед, духовное лицо, теолог, имевший опубликованные труды и некогда читавший лекции в исламских центрах Бухары и Самарканда. Оказывается, в молодости у них дома в Казани наш Мартук звучал, как Мекка – туда они писали письма раз в месяц, раз в год имели право отправить посылку, раз в два года – навестить своего родственника. Безумно жесточайшие годы! Это письмо я передал в «Казан Утлары». Была еще жива моя мама, и я пытался отыскать его следы. Но, увы, время стирает следы даже таких достойных людей. Но он все же остался в памяти старшего поколения мартучан. Они слышали, что был в 30-х годах такой набожный человек в поселке, читал книги на арабском языке и жил тем, что отпевал умерших – жил от поминок до поминок. Наверное, оттого, что он у нас жил, в Мартуке всегда были грамотные муллы. Их всегда приглашали в соседние поселки и даже в Актюбинск и Ак-Булак.

Почему я о нем пишу? Потому что уж он-то точно знал женщину по имени Амина, о которой ниже пойдет речь, которая волею судьбы тоже оказалась в моем Мартуке. Два человека из Казани не могли не встретиться в крошечном посёлке хотя бы на чьих-то похоронах.

В интернете на ФБ у меня есть страничка, где помещен рассказ «Станция моего детства». И вдруг мне, опять же из-за упоминания о Мартуке, приходит письмо, которое, наверное, будет интересно всем татарам – оно касается личной жизни Тукая. Привожу письмо без комментариев – точнее и яснее, чем там, не скажешь. Письмо проверено, перепроверено, проанализировано, нашлись и фотографии людей, о ком идет речь, и даже их могилы. Есть одна неверная деталь о кумысе – Тукай приезжал в Купербаш на козье молоко.

Рамиль Шерланов:

Эту удивительную историю рассказала мне моя бабушка (по маминной линии).

Случилось это приблизительно в 1912 году. Жили они тогда в деревне Купербаш Арского уезда Казанской губернии. Отец (мой прадед) был зажиточным крестьянином, мать (моя прабабушка) – домохозяйкой. Прадед был набожным, добропорядочным и образованным, строгим, но справедливым человеком. Наверное, поэтому был избран старостой деревни. У бабушки была старшая сестра, которую звали Амина. Она была очень красивой, скромной и трудолюбивой восемнадцатилетней девушкой. Амина всегда помогала маме по хозяйству. В эту деревню часто приезжал из Казани известный татарский поэт Габдулла Тукай. У него была чахотка (туберкулёз лёгких) и последние годы жизни по рекомендации врачей он

лечился кумысом в Казахстане, а затем Татарстане. Кумыс кобылиц, которых содержал мой прадед, был самым лучшим в Казанской губернии. Амина всякий раз подавала Габдулле Тукаю чашу со свежим кумысом. Он пил кумыс, долго говорил с ней, при этом очень пристально смотрел на неё и, уходя, всегда благодарил её. Поэт тогда был очень бледен и худ, но черты его лица оставались тонкими, красивыми. Он был достаточно прилично одет: на нём были тёмный сюртук, костюм с жилеткой и тюбетейка. Поэт производил впечатление весьма аккуратного и скромного человека. Он был образован, умён, интересен. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Дело дошло до того, что однажды Габдулла Тукай попросил её руки у моего прадеда. Но прадед отказал ему: мол, за неустроенного человека дочь не отдаст (к сожалению, отношение к поэтам в то время было таким же, как и к артистам).

В 1913 году в возрасте 27 лет Габдулла Тукай, так и не устроив свою семейную жизнь, умирает в нищете от чахотки. А Амина после революции выходит замуж за красноармейца Багаутдинова и уезжает с ним в г. Мартук Актюбинской области Казахстана, где рождает ему двух дочерей. Сейчас в г. Мартуке живут её внуки, правнуки и праправнуки. Амина до конца своей жизни не забывала свою первую любовь – Габдулла Тукая, читала и перечитывала его стихотворения и тихо плакала. Моя бабушка говорила мне, что у Габдуллы Тукая есть стихотворение (названия не помню), которое поэт посвятил Амине.

Сейчас я живу в Нукусе (Каракалпакстане, Узбекистане). Фамилия Амины-опай (по мужу) и её двух дочерей (Фауззия-опай, Марзия-опай) – Багаутдиновы. Остались у Амины-опай внук Марат и внучка Гулькай. Они живут в Мартуке, внук Рустам и правнуки (насколько я знаю от своей тётки) переехали на родину Амины-опай и живут в г. Арске Казанской области. Фотографии Амины-опай у меня нет. Были у моей тётки (я их видел), но она (абыстай - женский мулла) их сожгла (по мусульманским традициям нельзя хранить фото (лики) умерших родственников). Спрошу у жены моего дяди, может, и сохранились у неё. У меня фотография есть моей бабушки (младшей сестрёнки Амины-опай). Но, я думаю, в Мартуке у внуков есть фотографии самой Амины-опай и её дочерей.

Я являюсь внучатым племянником Амины-опай. Кстати, муфтий Усман Хазрет Исхаки – троюродный братишка моей мамы Самигуллиной Раисы Хисматуллаевны, а муфтий Талгат Тажутдин – её зять (женат на троюродной сестрёнке мамы). Мать Усмана-обый (поэтесса Рашида-опай) и тёща Талгата-обый (Салима-опай) – двоюродные сестрёнки моего дедушки Хисматуллы Самигулина. Их, сирот, воспитал старший брат моего деда мулла Захри-обый Самигуллин.

Сведения из метрики моей бабушки Хабибуллиной Гильминисы: Девичья фамилия Амины-опай – Хабибуллина (по-моему, после замужества она взяла фамилию своего мужа Багаутдинова). ФИО её отца (моего прадеда) –

Давлетишин Хабибулла, ФИО её матери (моей прабабушки) – Галиуллина Махубзямал. После Октябрьской революции прадед был раскулачен, в 1918 году красноармейцы хотели его расстрелять (у них был мандат на его расстрел), вывели его в лес, зачитали приговор и уже хотели привести его в исполнение, но крестьяне деревни Купербаш встали рядом с ним: мол, убейте и нас, коль убиваете нашего кормильца. Прадеда не расстреляли. Забрали всё и оставили его многодетную семью (у него было 10 детей) голодать. После чего деревня, не знавшая голода, познала ГОЛОД.

Получив письмо от Р.Шерланова, в начале мая я отправился в Мартук, в надежде отыскать там следы возлюбленной Г.Тукая. И мне это, как ни удивительно, удалось.

В архивах Мартука я быстро выяснил, что Рамиль Шерланов в чем-то сильно ошибался и что он не совсем полностью владеет информацией о жизни Амины-апай, потому что он представляет другую ветвь Хабибуллиных, Рамиль – внук Гульминисы-апай, младшей сестры Амины и он никогда лично не пересекался с родней в Мартуке. Поэтому я должен указать на существенные неточности.

1. В Мартук Амина-апай прибыла с семьей не в 1918 году, а летом 1945 года после 8 лет скитаний по Казахстану и Узбекистану (о чем подробно написал другой внук Амины-апай Рустам Ахмеджанов).

2. Все дети Амины-апай родились не в Мартуке, а в Мендюше.

3. Первый муж Амины-апай не был красноармейцем. Красноармейцы как раз расстреляли его. Они же раскулачили отца Амины и чуть не расстреляли его. К счастью, его отбили жители Купербаша.

О Рамиле Шерланове. Он – внук младшей сестренки Амины-апай Гульминисы, которая общалась с Аминой до последних ее дней, часто бывала в Мартуке. Бабушка Рамиля Гульминиса-апай вышла замуж за Хисматуллу Самигуллина. Это род тех Самигуллиных, которые в последние 100 лет являлись высокими духовными лицами мусульман в Ташкенте, Алма-Ате, Казани, Уфе, Петербурге и других городах.

Нынешний муфтий мусульман России шейх Талгат Тажутдин женат на близкой родственнице Раисы-ханум – матери Рамиля Шерланова.

Почтенный муфтий Усман-хазрат Исхаки – троюродный брат матери Рамиля Шерланова.

А мать Усмана-хазрата Исхаки, поэтесса Рашида-апай и ее сестра Салима (теща муфтия Талгата Тажутдина) – двоюродные сестры деда Рамиля Шерланова – Исматуллы Самигуллина. Рашида и Салима остались сиротами, и воспитал их старший брат деда Рамиля мулла Загретдин Самигуллин.

Вот такие сложные и высокие родственные отношения сложились вокруг возлюбленной Г.Тукая. Но это и к лучшему – в этих семьях хранится еще много фактов и фотографий о давно прошедших днях. Есть там, наверное, воспоминания о Тукае, о Мендюше, Купербаше и Мартуке.

Оказывается, тайна Тукая жила со мною рядом с первых шагов моей жизни в Мартуке. Я думаю, что появление Амины-апай и Хайруллы-абы летом 1945 года в Мартуке с тремя детьми, после долгих лет скитаний по Казахстану и Узбекистану, было неслучайным. Там жила сестра мужа Хайруллы – Майнур-апай. Выходит, мой Мартук для этой семьи стал последним прибежищем в скитаниях после расставания с Татарстаном.

Могилы Амины-апай и её мужа Хайруллы-абы Багаутдинова нашлись. Амина-апай с 1945 года всю оставшуюся жизнь прожила в Мартуке и захоронена под девичьей фамилией – Хабибуллина. Этот факт косвенно подтверждает версию о её встречах с Габдуллой Тукаем. Уверен, что она хотела сохранить фамилию для нас, потомков. Этим, а также памятью и воспоминаниями о нем, она всю жизнь связывала себя с Тукаем. Так, наверное, поступила бы любая женщина, на которую пал выбор гения. Я, без сомнения, много раз видел Амину-апай и Хайруллу-абы с раннего детства, в дни мусульманских праздников получал из её рук, которых касался Тукай, угощения: или беляш, или румяную плюшечку, или кусок пирога с красным творогом, а иногда и копеечку на кино.

Брат Амины-апай, Нурулла Хабибуллин, был женат с 1909 года на Бибисабире, дочери преуспевающего торгового человека из Мендюша Камалиева Багаутдина. Но у Багаутдинова, кроме дочери, был ещё и сын Асхадулла, который так же, как и Тукай, был влюблён в Амину. Видимо, у отца Амины, в связи с родством с семьёй Багаутдиновых через сына, имелись какие-то тайные устные договоренности насчёт сватовства Амины и Асхадуллы, но ни Тукай, ни Амина не могли знать об этом. И отказ Тукаю в сватовстве мог произойти и по этой причине. Могила брата Амины Нуруллы находится рядом с могилами дочерей Амины-апай: Марзии и Фаузии в Купербаше. Как тесно связаны судьбы названных здесь людей с аулом Купербаш, где много раз бывал Тукай!!

Рамилю Шерланову я очень благодарен за его твёрдую убежденность в том, что Тукая связывали личные отношения с Аминой Хабибуллиной, он же обозначил мне четкие места пребывания Амины и Тукая в 1911-1912 годах. В результате моих поисков стало ясно, что старинный татарский аул Купербаш не был местом случайного пребывания Тукая, его туда тянуло, там он работал, лечился, и там жила Амина, он даже жил рядом в селе Училе, в доме муллы Кашфилкабира с декабря 1911 года до марта 1912 года.

Я помню Амину-апай, вижу ее сквозь время, в ней я чувствовал природное благородство, аристократизм, такт, у неё была не мартукская речь, поведение, бытовые привычки, которые передались ее дочерям. Их, Марзию и Фаузию, я помню молодыми, они имели присущую Амине-апай самостоятельность не только в поведении, но и суждениях. Повторюсь, мы жили кучно, на мартукской Татарке, а Марзия-апай была каким-то начальником на предприятии, где работал мой отчим Исмагиль-абы, и бывала у нас дома не раз. То же самое я могу сказать о ее сестре Фаузии. Удивитесь, как глубоко жила в сестрах тяга к Татарстану, родным местам

матери, они бывали там часто и всегда возили на родину Амину-апай. В конце 50-х и в 60-х годах XX века в Мендюше и Купербаше ещё были живы некоторые сверстницы Амины-апай, дальние и ближние ее родственницы, и там на скромных «девичьих» застольях нет-нет, да и всплывали воспоминания о Тукае, который часто бывал у Хабибуллиных. Наверное, ещё и потому Амина-апай с радостью посещала родные ее сердцу места. Сестры с матерью при жизни ухаживали за могилами своих родственников в Купербаше. После смерти Амины-апай ее старшая дочь Марзия, выйдя на пенсию, уехала доживать в родной аул Купербаш, желая быть похороненной на родине. Младшая дочь Амины Фауззия-апай умерла в Мартуке. Но она тоже завещала, чтобы ее похоронили на родовом кладбище. И ее сын, хирург Рустам Ахмеджанов, живущий в Арске, несмотря на лютую зиму и дальнюю дорогу перевез мать на родину и похоронил рядом с сестрой Марзией и другими близкими родственниками. У нас в Мартуке – полсела татары. Все они родом из-под Казани, но никто из них так не рвался на родину даже в старости. Для Амины-апай и ее большой семьи, где уже есть и правнуки, родина и родной язык, родная земля не были пустым звуком. Пример ее семьи достоин памяти и уважения.

Конечно, сестры знали тайну матери, но узнали поздно, время было жестокое, немногословное, разговоры о своих родителях, об их статусе в буржуазном обществе, о высоких отношениях с поэтом из царского прошлого в то суровое время могли обернуться бедой. Они, как люди образованные и много повидавшие, знали и видели грустные примеры судеб людей не из рабоче-крестьянской среды – в Мартуке мне все дни вспоминалась судьба великого Амирхана Еники.

С 1917 года после Первой мировой войны и революции произошел разлом всей жизни России – в центре и на окраинах. Распад Империи завершился невиданным голодом в Поволжье в 20-х годах, коснувшимся особенно жестоко Татарстана и Башкирии, и дальше гибельно шагнувшим в Казахстан. Семья Амины, созданная в 1918 году, в селе Мендюш, в имении Камалиевых, попала в водоворот истории. Классовую ненависть они, как «враги народа», ощутили на себе так, что их правнуки помнят об этом до сих пор. Они потеряли капиталы родителей, собственность, землю, социальное положение, надежды на будущее. Семья Амины попала в наш нищий Мартук в 1945г., который оставался нищим – без света и без работы – до 1960 года, только тогда появились первые плоды освоения целинных земель в Казахстане. Тогда же в Мартуке появилось и электричество – в 1959 году. В те годы у нас в Мартуке кроме милиции был и уполномоченный НКВД, а впереди маячили голодные послевоенные годы. Какие тут могли быть разговоры о Тукае, о времени, когда они жили в достатке и были счастливы?! Такие беседы были бы губительны для молодых, да и в татарских традициях тех лет девушки не уведомяли о своих чувствах и личной жизни весь свет. И Тукай вряд ли кому признавался в своем неудачном сватовстве, хотя он чувствовал, как поэт, как мужчина, что он желанен этой девушке, и сердца их

бьются в такт. Гордость тукаевская, гордость татарская известна. Оттого история, связанная со знакомством семьи Хабибуллиных с Г.Тукаем, надолго – на целый век – оставалась и остаётся до сих пор семейной тайной Хабибуллиных-Багаутдиновых и их многочисленного рода. Только случай заставил Рамиля Шерланова, увидевшего в интернете мой рассказ «Мартук – станция моего детства», обратиться ко мне с письмом. Я сразу понял из его эмоционального рассказа, что это и есть «Неизвестные страницы из жизни Г.Тукая в 1911-1912гг.», без которых биография нашего гения была бы неполной.

Встречи Амины-апай с Тукаем, беседы с ним, его подарки и внимание, сердечные признания – это дар Всевышнего ей на всю оставшуюся жизнь. Только эти, навсегда запечатленные в ее сердце воспоминания, дали Амине-апай силы выжить, вырастить детей, дать им образование и возможность приезжать с ними в Купербаш, посещать могилы близких и вспоминать только одно счастливое лето 1912 года, когда ее сердце было наполнено Тукаем, его поэзией и любовью.

В то сложное переломное время, длившееся почти тридцать лет, мало у кого была путеводная звезда в кромешном мраке революций, войн, преследования людей не только по идеологическим убеждениям, но и по социальному и имущественному статусу. А у Амины был Тукай. У нее не было желания делиться заветными воспоминаниями ни с кем, она жила с ними в обнимку всю жизнь, отсюда она и черпала силы, чтобы выжить, поднять детей. Только семье она открыла какие-то сведения уже в конце 60-х. Но подробности жизни знали только ее дочери. – Да будет благословенно его имя, – говорила она часто своим дочерям, с которыми была в редкой духовной близости.

Слава Аллаху, что Амина и Хайрулла вообще смогли сохранить жизнь и продолжили род Хабибуллиных и Багаутдиновых. Сегодня мы видим их многочисленных потомков, живущих на всем постсоветском пространстве. И все они, как один, оказались достойными людьми. Они живут в Ташкенте, Нукусе, Ашхабаде, Алматы, Чимкенте, Петербурге, Арске, Алтае, Уфе, Мартуке, Актюбинске, Казани.

Сегодня запоздало вспомнилось, что дочь Амины-апай Марзия очень нравилась моему дяде Рашиду, младшему брату моей матери, о нем у меня много страниц в романе «Ранняя печаль», но что-то у них не срослось. Жаль, а ведь я мог бы стать родственником Амины-апай... Вот в какое кольцо может иногда сворачиваться жизнь. И не случайно не к кому-нибудь, а именно ко мне пришла весть из счастливых дней для Амины-апай лета 1912 года. И это уже не мистика, это и моя судьба, связавшая меня с детства с фотографией Тукая из нашего волшебного сундука сандалового дерева.

Единственным близким родственником Амины-апай в Мартуке остался ее внук – Марат Ахмеджанов, 1951 года рождения, он присутствует на многих фотографиях. Марат не только подтвердил написанное Рамилем

Шерлановым, но и многое добавил, уточнил, ведь он вырос на руках Амины-апай, своей бабушки.

Вот его дополнения: Амина-апай родилась в 1895 году – умерла в 1976. На момент встречи с двадцатипятилетним Тукаем ей было 17 лет. Родилась и жила она в ауле Купербаш, приезжал туда Тукай на козье молоко. Приезжал Тукай туда много раз в 1911-1912 годах, потому что в ту пору он жил неподалеку от ее села, эти адреса биографам поэта известны.

Обе дочери, Марзия и Фуазия, лицом и статью пошли в мать: красивые, видные, это очевидно по многочисленным фотографиям. Они, по тем временам, одевались стильно, это я хорошо запомнил в юности. Потому что Амина-апай прекрасно кроила и шила, у нее была швейная машинка, которую семья берегла как зеницу ока. Эта машинка и кормила их в Мартуке с 1945 года. Шила Амина-апай и для мужчин, и для женщин, шила новое и перелицовывала старые довоенные вещи – пальто, костюмы, брюки. Оттого ее знал весь Мартук, ее любили за трудолюбие, за безотказность, вкус, за бескорыстие. Шила она и в долг, и за продукты. Такой несгибаемой, работающей была в жизни возлюбленная Тукая.

Дочери Амины-апай, всю жизнь проработавшие в Мартуке, на исходе жизни вернулись туда, где начиналась жизнь их матери, которую они любили безоглядно – в Купербаш, и обе похоронены на сельском кладбище.

В Арске на улице Красная слобода, д.50 живёт младший сын Фаузии – Рустам Ахмеджанов, 1964 года рождения, хирург по профессии. Он обошел в Купербаше и Мендюше всех старожилов, дальних родственников Амины-апай и Хайруллы-абы, нашел фотографии. Главное, что в долгих беседах на родине бабушки он услышал отголосок тех давних событий, которые интересуют нас – о том, что Тукай приезжал в Купербаш не только из-за козьего молока, а потому, что был влюблен в красавицу Амину и имел на нее виды. Старожилы говорили, что в нее невозможно было не влюбиться – столь хороша, умна, воспитана она была. В Арске у Рустама проживает и его отец, 96-летний Адигам-абы Ахмеджанов, фронтовик, первый зять Амины-апай. Адигам-абы потерял на войне руку, после войны закончил кооперативный техникум и всю жизнь проработал в Мартуке в райпотребсоюзе бухгалтером. Адигам-абы остался у меня в памяти тоже с детства, они жили на нашей улице, он знал мою маму, её сестёр, моего отца, с которым вместе ушли на фронт. Очень авторитетный в Мартуке был человек. В 90-х годах прошлого века я часто принимал Адигама-абы и его друзей, татарских и казахских аксакалов, в Мартуке, в доме своего брата, об этих встречах остались фотографии.

У меня есть письмо Рустама Ахмеджанова, второго внука Амины-апай, где он восполняет мои пробелы в жизни своей бабушки, то, о чем не мог знать Рамиль Шерланов. После его воспоминаний выстраивается окончательная и целостная картина истории, связанной с судьбой поэта. Привожу дословно.

«Жизнь моей бабушки Амины не была легкой и не могла быть легкой уже только потому, что она была дочерью своего раскулаченного отца. Вся ее жизнь после 1913 года прошла в испытаниях перманентно сурового времени и жестоких обстоятельств. Объяснять почему в 1937 году семья Амины с четырьмя детьми спешно бежала из родных мест – отдельная печальная история, о которой стоило бы написать книгу. Вообще жизнь моей бабушки в Первую Мировую войну 1914г., революцию, в гражданскую войну, голод двадцатых годов, в репрессии 37-х и в Великую Отечественную войну не имеет к Тукаю никакого отношения. В изгнании она часто говорила своим дочерям – хорошо, что Тукай не застал эти годы страданий своего народа. По письму Рамиля Шерланова видно, как разросся наш род от Амины Хабибуллиной и Хайруллы Багаутдинова, и даже я не знал о всех родных бабушки по линии ее родной сестры Гульминисы и брата Нуруллы, а тем более по линии отца ее мужа Хайруллы. Но даже в Нукусе на другом конце СССР помнили историю Тукая и Амины-апай. Воспоминания Р.Шерланова совпадают с тем, что знали мы, прямые внуки Амины и Хайруллы.

Я даже не предполагал, что по линии Самигуллиных-Багаутдиновых у нас в родстве высшие духовные лица Татарстана и Башкирии.

После смерти Тукая, в 1918 году бабушка выходит замуж за Асхадуллу, старшего сына состоятельного человека, легендарного Камалиева Багаутдина из деревни Мендюш, память о нем до сих пор сохранилась среди коренных жителей деревни. Его внук – Мидхат Нуруллин, (племянник Амины) всем известный и уважаемый в Арском районе человек, рассказывал мне при жизни, что Багаутдин-бабай был высоким, физически очень сильным человеком, с мощной внутренней энергией. Рассказывал, как он мог взглядом свалить человека с ног, как затаскивал в гору телегу с дровами вместе с лошадей, когда у той не хватало сил самой подняться в гору, и еще многое другое. Но вновь трагедия. В Казанской губернии в 1918 году свирепствуют отряды продразверстки и так называемые комитеты бедняков, отнимая у зажиточных крестьян за бесценок хлеб, а зачастую и вовсе без оплаты. Когда крестьяне отказались бесплатно сдавать зерно, в Арск поздней осенью 1918 года прибыл многочисленный отряд красноармейцев и жестоко подавил восстание крестьян, впоследствии названного вилочным мятежом (сэнэк сугышы). Был убит 31 крестьянин, в том числе и муж Амины – Асхадулла. В том же 1918 году были раскулачены и ее родители, а отец – Хабибулла чудом избежал расстрела. Этот брак моей бабушки оказался кратковременным и бездетным, они прожили всего четыре месяца! Однако, тесть Амины – Багаутдин не захотел в это смутное время отпускать из семьи расторопную и трудолюбивую невестку Амину и, очевидно, по всеобщему согласию, женил на ней другого сына – Хайруллу. В Мендюше у них появляются на свет дети: в 1922г. – Марзия, в 1926 – моя мама Фаузия, в 1931 – Камиль, в 1937г – Вагит. Вагит умер в возрасте 2-х лет. В сентябре 1936 года умирает Багаутдин-бабай, и в конце

30-х годов семья бабушки Амины уезжает из Татарстана. Начались годы скитаний и нужды на чужбине. В разные годы они жили в Узбекистане и Казахстане. В 1950 году она пережила смерть мужа, а чуть позже в Ташкенте в возрасте 21 года умирает и ее сын Камиль. Неожиданная смерть единственного сына явилась для нее тяжелой утратой. Бабушка Амина была необычайно позитивным человеком, с тонким чувством юмора и высоким интеллектом. Очень любила нас – своих внуков, но любовь ее досталась больше всего старшему из нас – Марату, именно ему она читала сказки Тукая, именно он листал нашу семейную реликвию – книгу сказок Тукая, подаренную бабушке, видел и держал в руках фотографию Тукая, к несчастью не сохранившуюся. Она была очень скромной женщиной, всю свою жизнь бережно хранила в сердце память о своей первой любви – любви к Тукаю. Чувства ее к Тукаю и история взаимоотношений не обсуждались и не афишировались за пределами семьи даже после смерти ее мужа. Разумеется, в тесном семейном кругу, зная о них, мы – внуки, спрашивали об этой истории, на что она всегда, скромно улыбаясь рассказывала о том, как приходил к ним домой Тукай. Разумеется, уровень этих взаимоотношений мог быть только целомудренным, этим они и дороги. Всю свою жизнь она, как и ее дочери, с тоской вспоминали Татарстан и в глубине души мечтали когда-нибудь вернуться на родину. Надо сказать, что Татарстан покинула и любимая сестренка Амины – Гульмениса, уехав в Ташкент. Выйдя замуж за Хисматуллу Самигуллина, она родила двух замечательных дочерей – Раузию, Ильсию и сына Ильгиза. Все Хабибуллины, Самигуллины и Багаутдиновы тесно общались и часто ездили в гости друг к другу, и в Ташкент, и Нукус, и Мартук, и Казань, и Купербаш, и Арск. К сожалению, мечтам бабушки Амины вернуться на родину не суждено было сбыться. Бабушка последние годы сильно болела, и летом 1976 года сердце ее тихо остановилось во сне. Похоронена она на мусульманском кладбище в Мартуке. Вот так и закончилась, полная драмы, жизнь моей бабушки Амины, а вместе с ней и история ее первой любви. Хочется выразить благодарность дочитавшим эту историю до конца и надежду и на то, что все мы сможем бережнее относиться ко всему тому, что касается нашего великого поэта, в том числе и к его последней любви.

Рустам Ахмеджанов

Я написал много остросюжетных политических романов, основанных на реальных фактах. Настолько реальных, что за первый роман «Пешие прогулки» на меня было совершено тяжелое покушение, я пробыл 28 дней в реанимации и остался инвалидом 2 группы. Тем, кто умеет сопоставлять факты, изучать документы, думать логически, удастся восстановить все до мельчайших деталей. К чему я это пишу? Потому что у меня есть опыт восстановления событий, тем более, я имею подробное письмо Рамиля Шерланова из Нукуса. Он представляет род Самигуллиных-Хабибуллиных, к которому принадлежала наша героиня Амина-ханум. Ее жизнь прослежена мною с 1912 года, когда она, по воле Аллаха, встретила с Г.Тукаем, до ее

последних дней в Мартуке по 1976 год. Я представляю вам историю ее жизни, фотографию ее могилы, другие фотографии и свидетельства ее родственников по линии Хабибуллиных и Багаутдиновых.

Амина-апай прожила 81 год. Я обошел огромное мусульманское кладбище в Мартуке. По надгробным камням я понял, что людей, родившихся, как Амина-апай, в 1895 году и даже в начале 19 века, и проживших так же долго, как она – просто нет. К 1976 году, когда она умерла, из ее поколения до 60 лет дожили всего... три местных жителя. Отмечая столь феноменальный для того времени возраст Амины-апай, я думаю о высочайшей милости Всевышнего к ее судьбе: встретиться с Тукаем, прожить столь трудную жизнь в невыносимо жестокое время, выпавшее ей с юных лет, и при этом поднять детей, внуков и оставить после себя многочисленный и достойный уважения род.

Получив письмо Рамиля Шерланова, я тут же без согласований-указаний поехал в Мартук и Актюбинск. Путь не близкий – полтора суток в дороге! Там я встретился со множеством людей, наговорил много часов по телефону со многими родственниками Амины-апай, живущими сейчас в разных концах постсоветского пространства. И все эти люди, даже потерявшие связь друг с другом и редко общающиеся между собой, помнили об этой истории или что-то слышали об Амине и Тукае. В разговорах с ними я не ощутил никакого сговора между ними, желания утвердиться за счет истории, связанной с Тукаем. Такую трагическую историю столько людей сочинить и придумать не могли – не те люди, сочинять не будут. Спасибо им за то, что они помнят историю своей семьи, любят и чтят свой род, своих предков. Сомневающиеся, скептики и заинтересованные в иной трактовке жизненного пути Тукая могут обратиться ко мне, и я передам им телефоны потомков Багаутдиновых-Хабибуллиных-Самигуллиных. К этому тексту я прилагаю фотографии и ожидаю поступления новых, среди которых надеюсь увидеть снимок юной Амины – такой, какой увидел ее Тукай в 1912 году.

Получив взволнованное письмо Рамиля Шерланова, встретившись в Мартуке с внуком Амины-ханум Маратом, ознакомившись с письмом Рустама Ахмеджанова – второго внука нашей героини, который живет в Арске, побеседовав со многими людьми, проживающих во многих городах постсоветского пространства и имеющих хоть какое-то отношение к нашей истории, я решил срочно опубликовать те собранные сведения, которые уже имел на это время. Зачем такая спешка? Нет, я не поспешил. Сейчас я понимаю, что сделал единственно верный ход в той ситуации. Только публикация могла расширить поле моих дальнейших поисков, дать новые отклики людей, что-то слышавших об этой истории. Заодно и ответу – почему, получив письмо Р.Шерланова, я, не задумываясь (несмотря на то, что мне почти 80 лет и у меня, как у всех, и своих проблем воз и маленькая тележка), незамедлительно отправился в далекий Мартук. Семейно и родственников Амины-апай, о которых писал мне Рамиль Шерланов, я хорошо знал. Я уважал их настолько, что даже не засомневался ни на секунду

в подлинности изложенной мне истории любви Амины и Тукая – такая у них высоконравственная семья. Моя безоговорочная вера в искренность и нравственность этой семьи, исторически связанной с Тукаем, объясняется одним лишь примером из моей собственной истории общения с ними. В середине 90-х годов XX века у меня начался бурный и счастливый «роман» с Казахстаном. В эти годы я стал Почетным гражданином Казахстана, был открыт музей в Мартуке, моим именем назвали улицу, дважды я становился в Актобе «Человеком года». Меня постоянно приглашали на все государственные и местные мероприятия. Я встречался со студентами, школьниками, депутатами Маслихата, работниками спецслужб и МВД. Побывал во всех районах Актюбинской области – а их 13! Таких почестей удостоились не многие из писателей. Поэтому тогда я бывал на родине 3-4 раза в году, и в каждый из своих приездов я собирал в доме моего брата стариков-старожилов Мартука. Некоторые из них знали моего отца, уходили с ним на фронт. Времена были непростые, и я видел, как аксакалы были рады этим встречам-застольям и тому, как их привечали. В любом застолье есть «красный угол» – его всегда занимали зять Амины-апай Адигам-абый Ахмеджанов и его друг Абдулхак Темиров. Эти встречи продолжались лет 10-12, пока все они потихоньку не ушли из жизни, а Адигам-абый переехал в Арск к сыну, поближе к могиле жены – Фаузии-апай. Он жив и сегодня, ему 96 лет! Приглашать гостей я ездил лично, так заведено у тамошних татар. Конечно, у кого-то я задерживался на пять минут, а с Адигамом-абы беседовал иногда и по часу. Собирая для своего музея альбом «Мартукские татары», я подолгу знакомился у них дома с фотографиями этой семьи за последние сто лет. Были там и несколько дагерротипов начала XX века. Про многие фото между нами велись долгие разговоры и рассказы. Среди снимков, взятых у него для альбома, есть и большая групповая фотография, сегодня она представлена первой в материале о Тукае. Но даже зная, что я – писатель, ни Адигам-абый, ни Фаузия-апай за эти годы ни разу не обмолвились, даже отдавая фотографии, где есть Амина-апай, что их семья хоть как-то связана с Тукаем. Для них это была святая семейная тайна!!! Это еще раз подтверждает нравственность этой семьи, глубокое уважение к Амине-апай, ибо это была ее тайна. И открылась эта тайна случайно, через сорок пять лет после смерти Амины-апай. Поведал о ней Р.Шерланов, внук Гульминисы-апай, младшей сестры Амины, живущий в далёком Нукусе. Почему – он объяснил сам во втором письме.

В жизни и творчестве меня всегда выручала интуиция, предвидение – тому тьма примеров в моих книгах и интервью. Решившись на публикацию, я знал, что получу разные мнения, на это и был сделан расчет. Первая публикация состоялась в журнале «Идель», и я очень благодарен его редактору Айсылу Хафизовой за то, что она рискнула напечатать не раскрытую до конца историю последней любви нашего великого Поэта. Этот же текст печатался в «Литературной России» полностью в одном номере. Руководство «Татмедиа» помогло опубликовать чуть более подробный текст

в газете «Республика Татарстан». Но они напечатали его с продолжением в трех номерах и этим загубили статью. Это – документ, а не любовный роман или детектив, которые можно давать с продолжением, раз в неделю. Все эти публикации дали плоды, на которые я и рассчитывал – пошли отклики, письма, советы, пожелания удачи от простых людей, которым дорог Тукай.

Интуиция в очередной раз не подвела меня – в ту же минуту, когда я прочитал первое письмо Р.Шерланова, я отметил для себя, что эта история должна быть обязательно каким-то образом отмечена в стихах поэта. Любовь – огромное событие в жизни каждого человека. Всевышний подарил и Тукаю в конце его короткой жизни встречу с любимой, и тот не мог не оставить об этом поэтический след. К сожалению, я не владею всеми тонкостями литературного татарского языка. И чтобы не ошибиться в таком важном вопросе, я отправил знакомым поэтам письма, где просил внимательно посмотреть стихи Тукая с лета 1911 года по осень 1912 года – там наверняка есть воспоминание о Купербаше и лирические строки, носящие личностный характер. Переводы-интерпретации его стихов на русский язык в десятках вариантов, тиражируемые в последние пятьдесят лет, меня не интересовали. Мне нужен был оригинал.

Одно из писем с просьбой о помощи я отправил Фаузие Байрамовой, известному историку, кандидату наук, признанному литератору и общественному деятелю – человеку, не равнодушному к судьбе своего народа, его истории. В ответ она прислала мне стихотворение Г.Тукая, подтверждающее, что поэт летом 1911 года, поздно возвращаясь из Казани, запутал и переночевал в доме у одного агая. Ее ответ подтверждал факты, изложенные во втором письме Р.Шерланова (его я привожу ниже), полученном после публикации в «Идели» в ответ на появившиеся комментарии. И я нашел ключ, который открывал столетнюю тайну последней любви Поэта. Я был прав – встреча с юной Аминой не могла не оставить след в творчестве Тукая, и он не мог скрыть от нас, потомков, переполнявшее его чувство хотя бы косвенными строками. Так счастливо замкнулся круг моих изысканий. Привожу для вас и это стихотворение Тукая. Но я уверен, что существует и более лирическое его произведение той поры, где Поэт дает понять, что он влюблен и любим.

Любопытно, что открытие это сделал не тукаевед, которых немало, не лауреат Тукаевской премии, не соискатель этой награды, которых более всего, а сделал человек, родившийся в Казахстане, 30 лет проживший в Узбекистане и последние 30 лет живущий в Москве – писатель, упорно стремившийся в татарскую литературу двадцать пять! лет, имеющий миллионные тиражи своих книг. Воистину – мистика! А может быть воля Всевышнего? Среди многих вопросов к автору звучал и такой – много ли радости вызвало ваше открытие среди писателей и читателей? Я вначале не обратил на него должного внимания, оценил его позже. Вопрос не праздный. По-настоящему обрадовались и помогли только пятеро: Фаузия Байрамова,

Айрат Зарипов, Ренат Харис, Айсылу Хафизова и... Минтимер Шарипович – без него вряд ли состоялись так быстро мои публикации.

Многие, обращавшиеся ко мне, сокрушались – если бы Амина-апай оставила какие-то записи! Отвечу - если бы она оставила свои воспоминания письменно, то это были бы претензии на что-то или это походило бы на женское тщеславие. Да и как она могла оставить записки – слишком юна она была для такого шага, время и татарское воспитание не давали ей примеров обращения с личными тайнами к обществу, истории. Да и позже она жила беда на беде, нужда на нужде, страх на страхе.

И эти письменные воспоминания, даже если бы и были, для меня не представляли бы никакого интереса. Но я уже писал, что знал ее с детства... Такие откровения были ей несвойственны. Для нее важно было лишь то, что она любила и была любима. Оттого я взялся разгадывать тайну 100-летней давности.

В ту пору татарская женщина была иная – нравственная. Это сегодня татары и татарки другие – подают в суд на татарскую власть за то, что учит их детей бесплатно родному языку. Слава Аллаху, что Тукай такого даже и не предвидел!

Немилосердная судьба, злой рок не позволили им соединиться, а какая бы получилась семья! И мы могли бы увидеть продолжение рода нашего великого Поэта. Воистину – трагическая судьба, трагичней не придумаешь! Не сбылось ни у них, ни у нас...

Второе письмо-комментарий Р.Шерланова после публикации в журнале «Идель»

В своем письме писателю Раулю Мир-Хайдарову я почему-то не посчитал нужным упомянуть о первой встрече Г.Тукая с семьей Амины. А зря, это может оказаться ключом к раскрытию тайны. Ближе к ночи поэт возвращался из Казани в свой аул рядом с Купербашем, но по дороге в темноте запутал и попал во двор местного богатея Хабибуллы Давлетишина. Стояла кромешная тьма, до электричества еще было далеко. В одиноком окне горела керосиновая лампа, он пошел на огонек и стал стучаться то в одну, то в другую дверь. Залаяли сторожевые собаки, и на шум выскочили с кольями Хабибулла-абый с сыновьями – подумали, что ворюшка заглянул в сарай. Но внешний вид поэта и его речь успокоили хозяев. Тукая пригласили в дом за накрытый стол. Оказалось, что в этот вечер вся семья ходила в собственную баню. В застолье он впервые увидел Амину – семнадцатилетнюю красавицу. С этого дня он стал часто появляться в их доме, потому что семья Давлетишиных торговала кроме кумыса и козьим молоком. Но это, скорее, был повод, чтобы чаще бывать в этом доме и получать из рук Амины пиалу с целебным напитком. Кумысом торговали во многих домах Купербаша.

Хабибулла Давлетишин по тем временам считался зажиточным человеком, он имел сеть лавок и магазинов не только в казанской губернии, но и в самой Казани. У них были стада коров, табуны лошадей, много домашней птицы – благо, пруды рядом. Поэт приходил на свиданье аккуратно одетым и сразу произвел впечатление на юную Амину. А сам Тукай, наверняка, влюбился в нее с первого взгляда. Он подарил Амине свою фотографию и две книги – «Шурале» и сборник своих стихов с теплыми пожеланиями. Эти книги и фотографию много раз держала в руках моя бабушка, младшая сестра Амины – Гульминиса. Тукай видел взаимное чувство Амины и попросил руки девушки у ее отца. Но Хабибулла Давлетишин отказал ему, мотивируя тем, что не может отдать любимую дочь человеку, у которого нет ни кола, ни двора. Увы, в то время ни артисты, ни поэты не были в чести у людей состоятельных. А может быть, у Хабибуллы были и другие причины для отказа.

Хотел бы сказать, что моя бабушка Гульминиса Хабибуллина – младшая сестра Амины и ее дети Раиса (моя мама), Ильсия (моя тетя) и Ильгиз (мой дядя) – они все есть на фотографиях и часто бывали в Мартуке у Амины-апай. Они были очень набожными и честными людьми. Все, что я написал, я слышал из их уст. Я остался единственным связующим звеном между рассказами моей бабушки в нашей семье и внешним миром. Я не имел никаких корыстных целей, обращаясь к писателю с историей нашей семьи. Я просто не хочу уносить тайну нашего гения с собой в могилу.

Комментарии Фаузии Байрамовой к публикации «Последняя любовь поэта»

Я была потрясена, прочитав статью Рауля Мирхайдарова «Последняя любовь поэта»! Столько информации, столько поиска, столько воспоминаний, связанных с судьбой народа! И во главе этой истории сам Тукай... Конечно, любовь Тукая к девушке по имени Амина, даже сватовство – новая информация, возможно даже, что наша общественность и не воспримет ее. Сам Тукай про это не оставил никаких откровенных записей, также и исследователи жизни Тукая ничего не пишут про последнюю любовь поэта. Все это лишь раскрывается со слов, воспоминаний внуков, родственников Амины. Но если взглянуть на историю, все эти события, возможно могли иметь место, так как в биографии Тукая известны такие факты, что он в 1912-13 годы приезжал в родное село Амины Купербаши проездом через село Училе. Училе – это не обычная деревня, это та местность, где начинаются истоки рода со стороны матери Габдуллы Тукая. Здесь жил и был имамом дедушка Тукая Зиннатулла, его мама Мамдуда родилась в этой же деревне в 1866 году. После смерти мужа Мухамматгарифа Мамдуда с маленьким сыном из Кушлавича вернулась снова в деревню Училе. Детство Тукая прошло в этой деревне, и в конце жизни, чтобы набирать сил, он приехал в родное село матери Училе...

Габдулла Тукай жил в Училе в доме муллы Каишфилкабира с декабря 1911 года до марта 1912 года, и здесь ему оказали большое почтение. Тукай в Училе написал более десяти стихотворений, среди них особенно известны такие стихи, как «Вечернее пожелание», «Сельское медресе», «Хворать в деревне».

Раньше деревня Училе называлась Малой Бирязой, а Купербаши – Кутернасом. Если ехать из Казани через Арск, то Училе находится дальше, чем Купербаши, между ними расстояние около 9-10 км.

Возвращаясь в Училе, Тукай, видимо, заезжал в Купербаши, чтобы переночевать, так как в своем стихотворении «Боятся даже звезды», написанном в 1912 г. он говорит следующее:

При возвращении в деревню свою остановился я в одном чужом мне селе

Была ночь, я напросился у дяденьки одного на ночлег в тепле.

Возможно, это был Купербаши и он там увидел Амину. А затем он мог приезжать туда под предлогом «купить козье молоко», ведь молодой же-парень! Если Тукай и был влюблен в самом деле, то это должно было как-то отразиться в его творчестве, поэт не смог бы не написать об этом (он же в Училе писал не только о деревне, картошке и медресе!) Кроме того, у Тукай есть стихотворение о любви, написанное в 1912 г. Стих называется «Что же еще надо?» В скобках написано (Экспромт). Вот этот стих:

*Твои сережки из чистого бриллианта,-
Душа моя, чего же еще надо?
Из всего дороже ты мне! –
Душа моя, чего же еще надо?
Ты моя желанная, тебе моя хвала, -
Душа моя, чего же еще надо?
Ты же моя жизнь, ты - моя смерть, -
Милая моя, чего же еще надо?*

Салат в переводе имеет значение – хвала, хаят – жизнь, мэмат – смерть. Значит, Тукай называет свою возлюбленную и жизнью, и смертью, то есть ему жить без нее, подобно смерти. Возможно, безответную любовь он уподобляет смерти... Слова из строк «Из всего дороже ты мне!» понятно выражают его любовь. А были ли известно девушке эти строки, вырвавшиеся из сердца поэта? И в самом деле, была ли это Амина? Наверное, она знала об этом, так как Тукай не мог не преподнести этот стих любимой девушке, даже таким образом, что то, что он не мог произнести напрямую в словах, он объяснил в стихах. Поэтому эта девушка, в данном случае, допустим, Амина, свои чистые чувства о Тукае хранила всю жизнь и впоследствии рассказала, передала своим потомкам...

Я не могу утверждать, что Тукай это стихотворение посвятил Амине, девушке из Купербаш, но и не могу отрицать эту информацию.

Как жаль, что Амина апа сама не оставила об этом никакой записи, видимо, как это характерно для татарских женщин, она смутилась поделиться со всем миром воспоминаниями о любви своей молодости, также возможно она подумала, что никто не поверит. Но как бы то ни было, сама судьба Амины апы - это потрясающая история, величественная, трагическая жизнь, повторяющая судьбу нации. И эта история, я думаю, имеет право выйти в свет рядом с именем Тукая. Мирхайдарову Раулю Мирсаидовичу выражаю огромную благодарность за то, что сумел со dna истории достать, изучить, исследовать интересные факты из жизни этих выдающихся личностей и вернул их народу!

*Фаузия Байрамова,
писатель, кандидат исторических наук
2018 год, 4 декабря.*

У меня есть и другой, не книжный, опыт отслеживания судеб людей. Я провел большую работу с биографическими материалами и написал эссе о жизни одного из выдающихся в мировом культурном пространстве художника и скульптора Чингиза Ахмарова. Его я лично знал с 1971 года. Меня так тронула его судьба, что я поехал, как и всегда по личной инициативе, в Троицк, где прошло его детство. Кстати, и Тукай бывал там. Став художником, Чингиз-абы, иллюстрировал книги Тукая.

Мое эссе явилось открытием для многих в Казани, хотя Чингиз Ахмаров с 1956 по 1958 гг. оформлял казанский Оперный театр. В 1945 году за оформление ташкентского Оперного театра имени Алишера Навои он в 32 года получил Сталинскую премию I степени. Статья получила столь широкий резонанс, что Всемирный Конгресс татар попросил журнал «Мирас» перевести ее на татарский язык, и этот номер журнала вручали всем участникам съезда. Это эссе «Чингиз Ахмаров» можно найти на моем сайте www.mraul.ru.

Осталась не до конца проверенной часть биографии рода Багаутдиновых- Самигуллиных, но я обязательно вернусь к ним, поскольку в этих семьях, возможно, сохранились письма, где упоминается эта история. Я уж не говорю о фотографиях, которые хранятся у них, они будут даже более серьезным подтверждением версии последних лет жизни Поэта. Я не стал делать это сознательно. Я доверяю всему тому, о чем так искренно и эмоционально написал мне доктор Рамиль Шерланов. Перечитайте письмо Р. Шерланова, где подробно указана его родня, и то, что написал Рустам Ахмеджанов. В Уфе живет муфтий Талгат Тажутдин, который через свою супругу породнился с родом Самигуллиных-Хабибуллиных-Багаутдиновых, надеюсь на встречу с ним. А в Казани, в Средней Азии, Казахстане, да и в новой России ныне живут и работают Самигуллины – внуки муллы

Загретдина Самигуллина – духовные лидеры мусульман. А сам Загретдин Самигуллин – дед Рамиля Шерланова.

Очень рад, что благодаря своему рассказу «Станция моего детства» о Мартуке, я открыл неизвестные страницы из жизни величайшего татарского поэта, основоположника современной татарской литературы.

Воистину, пути Аллаха неисповедимы. Думаю, что только ради обнаружения этой любовной истории, связанной с Тукаем, мне стоило стать писателем, чтобы через 106 лет донести неизвестные факты из его жизни татарскому народу.

Среди многих обращений ко мне: писем, телефонных разговоров, личных встреч, – нередко задавался один и тот же вопрос в разных вариантах, в разной тональности – от доброжелательного интереса, до жесткого неприятия любой новой трактовки сложившейся версии жизни Поэта. Попытаюсь объединить эти десятки трудных вопросов в несколько длинных.

«Зачем ломать сложившуюся, хрестоматийную биографию поэта? Что меняется в его судьбе и биографии после вашего открытия, если он не женился на прелестной Амине, не оставил семью и детей, продолжателей своего рода? Зачем ворошить столетней давности могилы? Что дает вам ваше открытие?» Встречались и более жесткие, неприятные и вовсе непечатные вопросы. Кто-то упрекал меня, что Тукай не оставил письменных подтверждений тому, что был влюблен в Амину, что, сватаясь, получил отказ – эти вопросы звучали как допрос, претензии следователей к Тукаю. Вопросающим и в голову не приходит, что это – его, Тукая, личная жизнь, и он никому не подотчетен. Он не состоял в КПСС, где надо было давать отчет за все – где не так чихнул, не с тем поздоровался.

Приступая к исследованию жизни поэта девять месяцев назад, я и не рассчитывал, что найду какие-то бумаги, письменные свидетельства, и не только потому, что прошло 106 лет. Тукай встретил Амину уже больным, и здоровье его слабело день ото дня. Наверное, он и до встречи с девушкой уже чувствовал свой близкий исход. Двадцатипятилетний Поэт, тончайшей души человек, лирик, дотошный аналитик жизни своего народа, наверное, страдал от того, что был лишен девичьего внимания, не имел ответных чувств от своей единственной в жизни любви – Зайтуны Мавлюдовой. Судьба на века соединила ее имя с Тукаем, и потому оно сохранилось в истории нашего народа.

Тукай знал все о своей болезни, в то время туберкулез косил людей беспощадно. И уходить из жизни, не познав ответной любви, ему было печально, обидно и незаслуженно. И вдруг – Амина! Ей – семнадцать, ему – двадцать пять! Наверное, когда он глядел ей в глаза, слышал ее голос, у него расправлялись крылья, и он забывал, не думал о своей болезни. Вот какую свободу, надежду, полет дала ему случайная встреча, когда он, заплутав в дороге, забрел в дом Хабибуллы Давлетшина. Я жалею, что не до тонкостей знаю родной язык. Я бы сам обязательно нашёл этот эмоциональный всплеск

в его работах 1911-1912 годов. Обязательно нашел бы. Я знаю, уверен, что такие следы есть. Ведь рассказ Р.Шерланова во втором письме о том, как Тукай впервые увидел Амину, уже подтвержден стихотворением 1912 года, которое мне прислала глубокоуважаемая мною Фаузия Байрамова. Какие еще нужны подтверждения?! Тукай не был бродягой и пьяницей, чтобы проситься часто к кому-то на ночлег. И это – единственный случай за всю его короткую жизнь, когда он, заплутав, в чужом доме нашел свою последнюю любовь. Это событие он отразил в стихотворении «Бойтся даже звезды». Оно и подтверждает подлинность истории, подкрепленной стихами самого Тукая. То, что он заблудился и переночевал в доме какого-то агая – разве это серьезный повод для известного поэта, чтобы объявить об этом народу и оставить след на века? Нет, конечно, не повод. Но он написал это стихотворение. В стихотворении «Бойтся даже звезды» Тукай не указал, у кого переночевал, скажем прямо, даже скрыл «у какого-то агая», хотя попав в дом, точно знал, что это имение Хайруллы Давлетшина. Скрыл, завуалировал строкой «у какого-то агая», чтобы не объяснять, почему стал ходить на кумыс только туда, где жила Амина, т.е. в дом «у какого-то агая», у которого есть имя и фамилия. Я считаю, что это и есть то самое письменное свидетельство Тукая, которое ждет от меня читатель. И ещё один весомый аргумент. Зачем же, если Тукай заночевал «у какого-то агая», он продолжал ходить туда почти ежедневно на козье молоко? Как известно, козьим молоком и кумысом в Купербаше торговали не одни Давлетшины. Конечно, он ходил туда только из-за Амины.

За эти девять месяцев поисков истины я просмотрел работы многих тукаеведов. Не буду наводить «тень на чужой плетень», т.е. указывать поименно авторов, но там тоже многое не имеет «гербовой печати» и не заверено Тукаем и тоже требует документального подтвеждения. Я уверен, что Тукай специально оставил адрес своей любимой для нас, потомков, чтобы мы благодаря этому дому узнали об Амине. Через 106 лет это и произошло.

И второе стихотворение тоже 1912 года с откровенным, мастерски зашифрованным признанием «Чего же ещё надо?», которое нашла Фаузия Байрамова, с припиской «Экспромт» – это и есть скрытое послание нам о его последней любви. Судя по дате написания, это были не лучшие дни здоровья поэта, но с какой радостью, восторгом, изяществом написано это стихотворение. Такое на краю жизни мог написать только влюбленный поэт. Но, чтобы понять это, надо любить Тукая и хорошо знать творчество нашего гениального соплеменника.

Я считаю главным своим открытием только то, что он уходил из жизни не в глубокой печали, потому что хоть в конце жизни Всевышний явил ему свою милость – он любил и был любим. И это самое важное в моем открытии. Новые страницы из личной жизни Поэта не только по-новому освящают его биографию и творчество, но и вносят вклад в культурный код

нации, поскольку Габдулла Тукай – основоположник современной татарской литературы.

Тому, что Тукай не оставил четких упоминаний о своей влюбленности в Амину и о том, что посватался, но получил отказ от ее отца – есть логическое объяснение. Поставьте себя на место двадцатипятилетнего поэта, влюбленного и получившего отказ – оставите вы признание о своем поражении, о своей неудаче? Нет, конечно. Поэтому искать эти откровения бессмысленно. Достаточно того, что он обозначил дом Амины, где случайно заночевал. Я уже не говорю о стихотворении «Экспромт» – скрытом признании во влюбленности. Почему же Тукай не мог влюбиться в Амину, если в округе и через сорок лет после его смерти говорили, что в нее невозможно было не влюбиться.

Мне уже почти 80 лет, и многие мои друзья и близкие уже в «иных садах». И паромщик Харон уже поджидает меня на переправе в те «сады», где они меня ждут. Сегодня к ним присоединится и Г.Тукай, наверное, он первый скажет – спасибо, дорогой, что открыл миру и народу историю последней в моей жизни любви – Амину...

В 1961 году в возрасте 24 лет умерла моя сестра Саня от той же болезни, что и Тукай. Как рассказывала мама, последние три дня, не приходя в сознание, в горячке она звала по имени только своего жениха. Не вспомнила ни мать, ни погибшего отца, ни меня, которого очень любила. Поэтому я твердо знаю, чье имя повторял Поэт с мысленной улыбкой на смертном одре – она звалась Аминой...

Перепечатка этого текста полностью или части его возможна только с письменного разрешения автора. Авторские права защищены законом, с вытекающими из него последствиями

Фото 1. На этой фотографии в нижнем ряду слева Амина-апай сидит с внучкой Гулькай на коленях, рядом с ней справа Майнур-апай, а над ней стоит Барый-абы Шакиров – родоначальник этого большого рода. Справа в сером макинтоше стоит с ридикюлем в руке ее старшая дочь Марзия, она очень похожа на мать. Все остальные на снимке связаны с Аминой-апай только через замужество ее дочерей.

Фото 1957г. Мартук

Фото 2. Амина Хабибуллина. 1895-1976гг. Мартук. Фото 1975 года.

Фото 3. Нижний ряд: слева Амина-апай, внук Марат и его мама Фаузия. Вверху справа стоит дочь Амины-апай Марзия, слева – Ильсия, племянница из Ташкента. Обе дочери Амины-апай похоронены на кладбище села Купербаш.

Фото 4. Внизу слева – Марзия, в середине Марат, справа – Фаузия.
Вверху – племянницы из Ташкента.

Фото 5. Амина-апай со старшей дочерью Марзией.

Фото 6. Амина-апай 1972г.

Фото 7. Камень на могиле Амины-апай Хабибуллиной. Снято 17 мая 2018г. в Мартуке Раулем Мир-Хайдаровым.

Фото 8. Рауль Мир-Хайдаров у могилы Амины-апай Хабибуллиной, возлюбленной Г.Тукая в 1911-1912гг. Фото сделано 17 мая 2018г., Мартук

Фото 9. Рауль Мир-Хайдаров с внуком Амины-апай Маратом Ахмеджановым. Мартук, май 2018г.

Фото 10. Слева внизу стоит Фаузия (12 лет), сидит Хайрулла Багаутдинов – муж Амины-апай (48 лет), рядом Амина-апай (44 года) и племянник Камиль (7лет). На заднем плане стоит Майнур-апай (46 лет). Фото 1939 года.

Фото 11. Внизу справа сидит Амина-апай. Вверху слева стоят: внучка Гулькай, муж Фаузии Адигам Ахмеджанов, дочь Фаузия, внук Марат. Фото 1960г. Мартук

Фото 12. Фотография сделана в 1993г. в Мартуке. Главная фигура на снимке (четвертый справа) фронтовик Адигам Ахмеджанов, он зять Амины-

апай. Сегодня ему 96 лет, он живет в Арске. Второй слева за столом – мулла Мартука, родом из Мамадыша. Крайний слева стоит Рауль Мир-Хайдаров.

Фото 13. Семья Рустама Ахмеджанова из Арска, внука Амины-апай.

Фото 14. Мартук, 1946 год. Вернувшиеся с войны молодые татарские воины-орденоносцы. Второй слева сидит Адигам-абый Ахметжанов – зять Амины-

апай Хабибуллиной. Адигам-абый, слава Аллаху, жив до сих пор, ему почти 98 лет!

